

К счастью, Гу Цзин еще не протрезвел, да и остальные участники вчерашней гулянки в большинстве своем страдали от похмелья, так что Тан Юю и Ли Шаояню хватило времени перебраться в другой номер и сделать вид, будто ничего не произошло.

После этого дня затаивший обиду Ли Шаоянь целых три дня отсиживался дома, приходя в себя.

Как назло, стоило ему, вновь набравшись сил, вернуться в компанию, как он столкнулся с Тан Юем, который пришел подписывать контракт с Шэньюй.

Менеджером, назначенным Тан Юю, стала одна из лучших звездных агентов Шэньюй — Чэнь Чэнь. Чэнь Чэнь — тридцатилетняя сильная женщина, воспитавшая таких суперпопулярных айдов, как Линь Шиюй и Ло Минлан. Это ясно показывало, какое именно амплуа Шэньюй выбрала для Тан Юя: ставка делалась на популярность и статус айдола, что на данный момент являлось самым прибыльным решением в краткосрочной перспективе.

Ли Шаоянь со своим новым маленьким ассистентом вошли в лифт, и в самую последнюю секунду перед тем, как двери начали закрываться, Тан Юй быстрым движением нажал на кнопку. Двери лифта снова разъехались, и оба человека уставились друг на друга в крайне неловком молчании.

Чэнь Чэнь не знала подоплеку этого дела и решила, что Тан Юй просто растерялся при неожиданной встрече с начальством. С улыбкой сглаживая неловкость, она произнесла:

— Доброе утро, президент Ли. Маленький Тан пришел в компанию впервые и еще во многом не ориентируется, я вожу его, чтобы он освоился.

После мимолетной потери самообладания Ли Шаоянь вновь напустил на себя привычный вид сдержанной вежливости. На словах он кивнул в знак приветствия, но в душе был готов сквозь землю провалиться от стыда.

Тан Юй на самом деле тоже чувствовал себя немного не в своей тарелке: он прекрасно понимал, что поступил в тот день не слишком-то порядочно. Однако раз уж все зашло так далеко, оставалось лишь списывать случившееся на то, что Ли Шаоянь сам напросился — в конце концов, если бы тот не замыслил недоброго против его старшего сокурсника, то и сам бы не попался в ловушку.

Хотя лифт был вовсе не тесным, все четверо внутри него физически ощущали давящую тесноту. К счастью, кабинет Ли Шаояня находился на самом верхнем этаже здания Шэньюй, в то время как Тан Юй направлялся с Чэнь Чэнь в фотостудию на средних этажах. Тан Юй вышел из лифта, глядя прямо перед собой, и Ли Шаоянь наконец смог вздохнуть с облегчением.

Это дело определенно не закончится так просто. У Ли Шаояня отсутствовали какие-либо моральные предрассудки, зато собственную репутацию он ценил превыше всего. Потерять лицо перед Тан Юем в такой степени — он ни за что не успокоится, пока не сотрет его в порошок и не выживит из индустрии развлечений. Только вот сейчас у Тан Юя оставались его

фотографии из спальни, так что прежде чеммышлять о мести, следовало хорошенько во всем разобраться и навести справки о прошлом Тан Юя.

Устроившись в широком кресле руководителя, Ли Шаоянь все еще смутно ощущал боль в заднице. Он отправил помощника раздобыть мягкую диванную подушку и, подложив ее под и без того не жесткое сиденье, принялся за изучение новых проектов от отдела планирования.

В то же время Чэнь Чэнь уже провела Тан Юя с экскурсией по зданию, а теперь вела его на съемки короткого имиджевого ролика. Этот ролик вместе с видеороликами других артистов Шэньюй будет транслироваться на большом LED-экране на фасаде здания компании.

Чэнь Чэнь видела, что Тан Юй недоволен Ли Шаоянем, но не стала читать ему нотаций, а лишь равнодушно заметила:

— Президент Ли на самом деле неплохой человек, просто вокруг него ходит столько слухов, что из него сделали какого-то монстра. Проработав в компании подольше — сам поймешь: среди развлекательных агентств Шэньюй — безусловно, самое совестьливое, а президент Ли — совершенно точно отличный начальник.

Тан Юй сидел, послушно позволяя визажисту наносить грим, и просто закрыл глаза, делая вид, будто ничего не слышит. В Вэйбо он также по требованию сделал репост официального объявления компании о подписании контракта. Гу Цзин стал первой звездой, репостнувшей его запись, что привело к нему новую волну трафика. Затем последовали репосты от самых разных артистов Шэньюй — как крупных, так и не очень, — хотя искренне ли они приветствовали новичка или преследовали какие-то иные цели, оставалось только гадать.

И Гу Цзин, и Тан Юй окончили Шанхайскую театральную академию. Один — талантливый молодой актёр, сочетающий в себе яркую внешность и прекрасные актерские данные, другой — одарённый айдол нового поколения, великолепно поющий и танцующий. С самого начала их работы в Хуаньюй они то и дело взаимодействовали друг с другом. Гу Цзин во всём опекал Тан Юя, а тот совершенно не скрывал своего восхищения старшим коллегой. Так исподволь зародился пейринг под названием Кит — по первым слогам имён Цзин и Юй. Благодаря постоянным знакам внимания со стороны самих кумиров эта пара быстро набирала популярность, уверенно двигаясь к статусу канона.

Теперь же они снова оказались в одной компании, и огромная армия фанатов этого пейринга с жадностью проглотила такую сладость: в лентах поклонниц Кита царило ликование, будто наступил Новый год.

Тан Юй тоже был очень рад. У Гу Цзина на сегодня тоже было запланировано съемочное интервью в павильоне по соседству. Едва закончив работу над собственным роликом, Тан Юй побежал понаблюдать за работой старшего товарища, благовидно прикрываясь стремлением перенять опыт.

Тан Юй заглянул внутрь через звуконепроницаемое стекло. Гу Цзин как раз записывал аудио, и мягкий жёлтый свет падал на его лицо, а сосредоточенное и преданное своему делу

выражение лица делало его черты еще более пленительными.

Тан Юй невольно засмотрелся и даже не заметил, как за его спиной вырос Ли Шаоянь.

Ли Шаоянь уже давно раскусил чувства Тан Юя. Разобравшись с делами, он поддался внезапному импульсу пройтись по студии и проверить повседневную работу компании. Едва войдя в звукозаписывающий павильон, он увидел высокую фигуру Тан Юя, замершего у стекла, — его янтарные глаза, устремленные на Гу Цзина, казались полными звезд. — Ты тоже любишь Гу Цзина? — раздался голос неподалеку. Это был один из сотрудников, записывавших Гу Цзина. Ли Шаоянь придвинулся к самому уху Тан Юя и понизил голос.

Тан Юй испуганно вздрогнул, инстинктивно отпрянув на два шага назад. Расслышав вопрос, он тут же выпалил:

— Мое восхищение старшим братом — самое чистое, совсем не то, что у тебя! Я здесь... чтобы перенять опыт.

Гу Цзин был старшим товарищем Тан Юя по университету, а также последним учеником его отца. Они росли вместе с малых лет, и Тан Юй действительно был тайно влюблен в Гу Цзина — это было его маленьким секретом на протяжении многих лет. Теперь же, когда Ли Шаоянь вытащил это наружу, Тан Юй даже не мог толком понять, что именно он чувствует.

Любой зрячий человек видел особое отношение Тан Юя к Гу Цзину, поэтому Ли Шаоянь лишь усмехнулся:

— Я ведь тоже чистейшим образом восхищаюсь твоим старшим братом, с чего ты взял, что я отличаюсь?

Вспомнив ту безумную ночь, Тан Юй подумал про себя: если бы не он сам, жертвой той ночи, скорее всего, стал бы сам старший брат. С отвращением глядя на Ли Шаояня, он процедил:

— Ты сам прекрасно все знаешь. И прекрати питать какие-либо непотребные иллюзии насчет старшего брата, иначе... — С этими словами он многозначительно качнул в воздухе телефоном, и смысл угрозы стал предельно ясен.

Ли Шаоянь глубоко вздохнул, мысленно перебирая мантру против гнева, и выдавил из себя безупречно фальшивую деловую улыбку:

— Окей, не буду мешать твоему обучению. Старайся изо всех сил на благо компании.

От этого елейного тона в конце фразы Тан Юя передернуло от отвращения, и он был только рад, что тот наконец убегает прочь. И все же, глядя на удаляющуюся спину Ли Шаояня, он неожиданно уловил в ней легкий налет одиночества.